

ҰЛЫ ДАЛАНЫҢ ТАРИХИ-МӘДЕНИ КЕЛБЕТІ

HISTORICK A KULTURN OBRAZ VELK STEPİ
HISTORICAL AND CULTURAL IMAGE OF THE GREAT STEPPE
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК ВЕЛИКОЙ СТЕПИ

ӘОЖ 94 (574)(084)
КБЖ 63.3 (5 Қаз)я2
Ұ 46

Қазақстан Республикасы Мемлекеттік орталық музейі

ҰЛЫ ДАЛАНЫҢ ТАРИХИ-МӘДЕНИ КЕЛБЕТІ
Ұ 46 Ғылыми каталог (қазақ, чех, ағылшын, орыс тілдерінде) – Алматы: ҚР Мемлекеттік орталық музейі, 2020. – 580 б.

ISBN 978-9965-23-468-2

HISTORIAL AND CULTURAL IMAGE OF THE GREAT STEPPE
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК ВЕЛИКОЙ СТЕПИ

ӘОЖ 94 (574)(084)
КБЖ 63.3 (5 Қаз)я2

ISBN 978-9965-23-468-2

© Қазақстан Республикасы Мемлекеттік орталық музейі, 2020
© Нұрсан Әлімбай, 2020

АЛТАЙ В ХУННУСКО-СЯНЬБИЙСКО- ЖУЖАНСКОЕ ВРЕМЯ (по материалам исследования базовых археологических памятников)

***А.А. ТИШКИН,
профессор Алтайского государственного
университета, г. Барнаул (Россия).***

В научной литературе по археологии Алтая раньше часто использовалось обозначение «гунно-сарматский» по отношению ко времени, культуре, памятникам, а также к предметам вооружения и другим находкам. Хронологической границей между скифо-сакским и «гунно-сарматским» периодами в истории Южной Сибири являлся рубеж III и II вв. до н.э. (Степная полоса..., 1992), а окончание последнего связывалось с образованием Великого Тюркского каганата в середине VI в. н.э. Однако в течение последних десятилетий данная ситуация была откорректирована. Этому способствовало получение значительного объема археологических материалов, а также их синхронизация с историческими событиями в Центральной Азии, отраженными в письменных источниках (Тишкин, 2007, с. 158–184). Для наименования довольно большого хронологического промежутка (с конца III в. до н.э. до V в. н.э.) автором статьи было предложено использование словосочетания «хуннуско-сяньбийско-жужанское время» (Тишкин, 2004). Этот термин включает в себя название народов (хунну/ сюнну, сяньби/сяньбэй, жужане/жуаньжуани), наиболее активно участвовавших в военно-политической и культурной жизни Центральной Азии и оставивших заметный след в истории огромного региона.

В свое время Алтай являлся северной полупериферией таких кочевых империй, как Хуннская (209 г. до н.э. – 93 г. н.э.), Сяньбийская (93–235 гг. н.э.) и Жужанская (359–552 гг. н.э.). Прекращение существования хорошо известной пазырыкской культуры отражало начало раннего этапа становления и развития новой общности. На наш взгляд, между ними нет прямой преемственности, основанной на автохтонном развитии. Хотя при формальном подходе можно отметить отдельные схожие черты. Тем не менее, основные показатели археологических источников демонстрируют существенные отличия. Данные обстоятельства резко проявляются и в погребальном обряде, и в предметном комплексе, что свидетельствует о совершенно других распространившихся традициях.

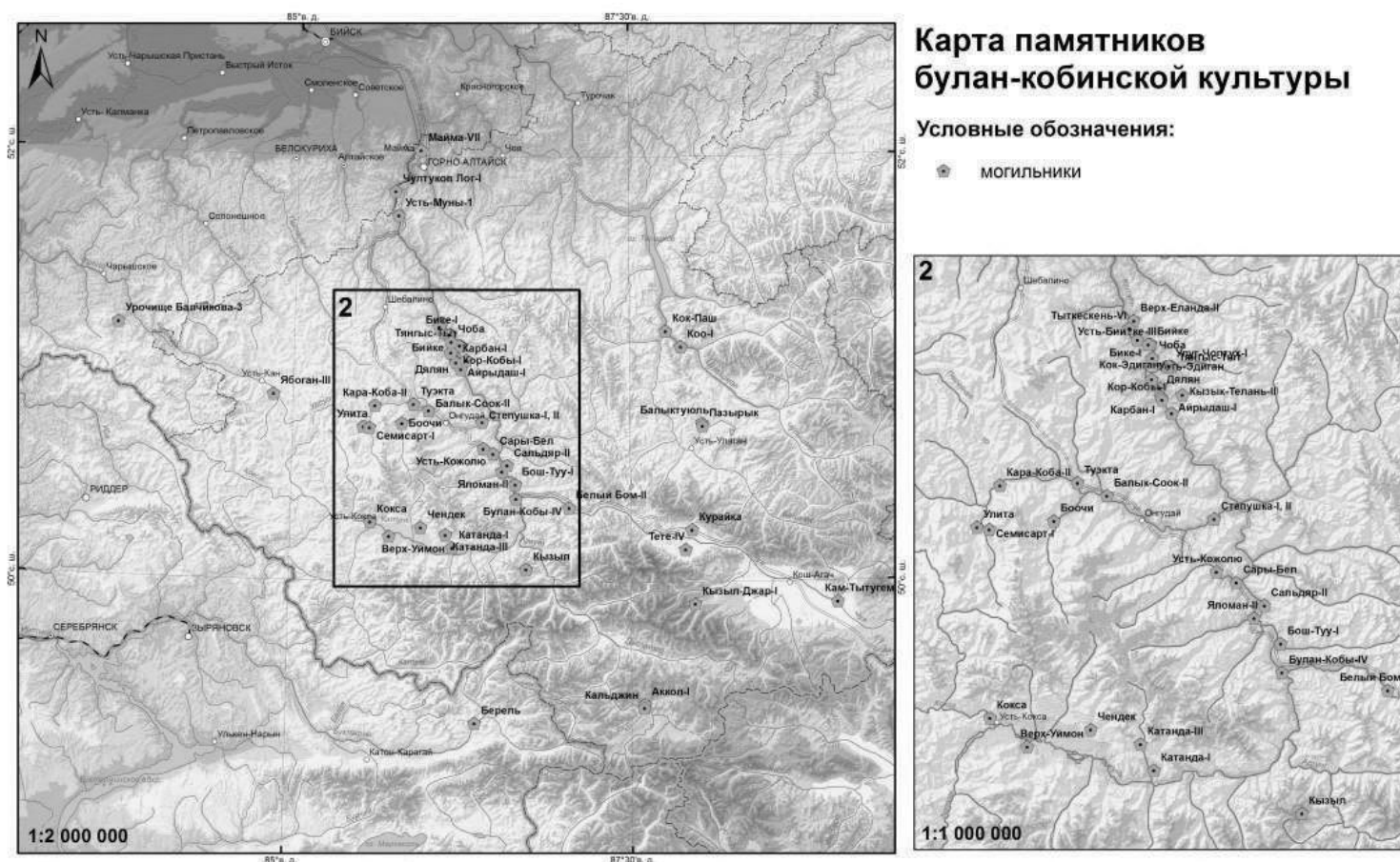

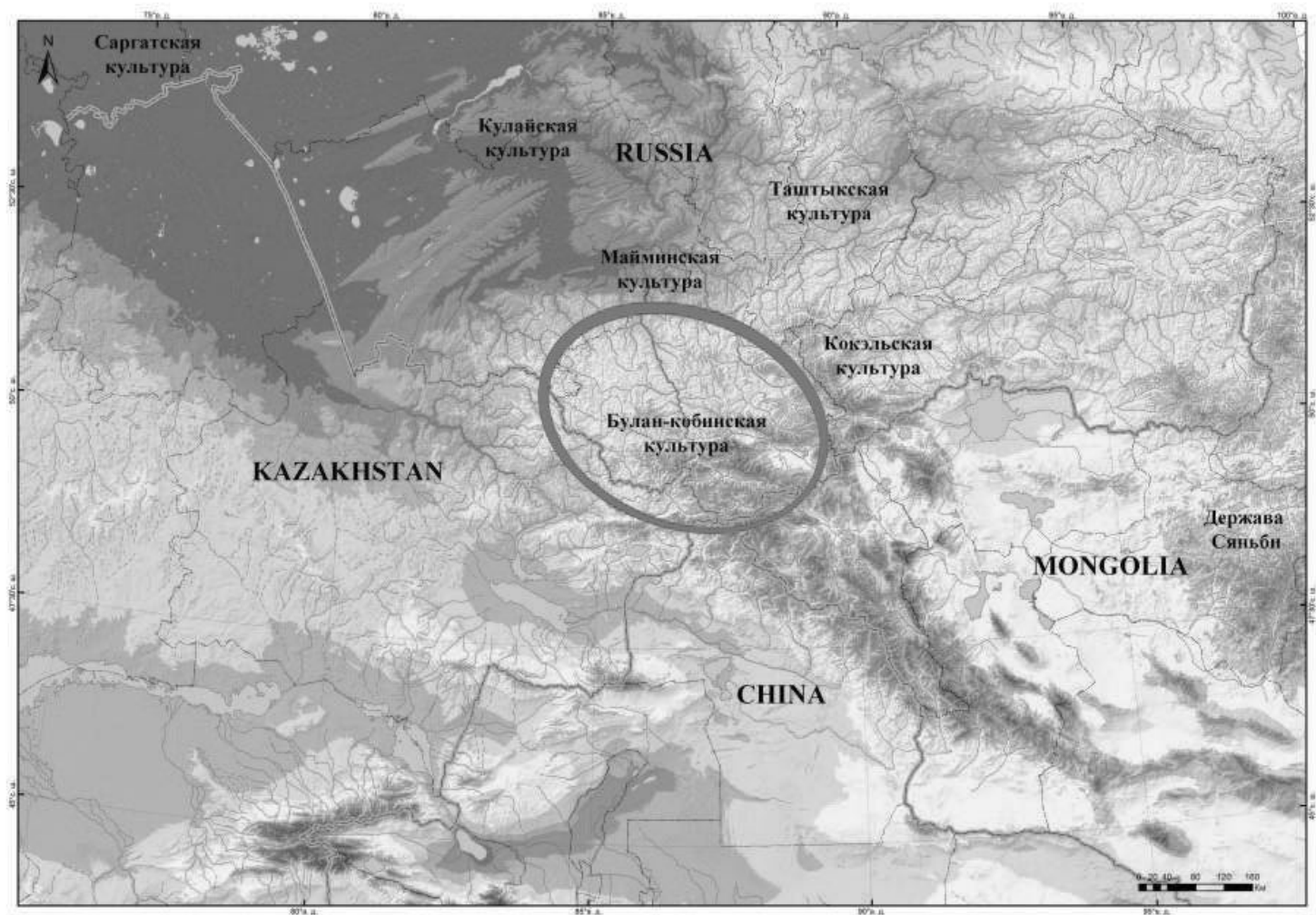
Рис. 1. Памятники хуннско-сяньбийско-жужанского времени на Алтае (карты-схемы подготовлены Е. Филатовой)

Реальные сопоставления множества материальных свидетельств указывают на радикальные изменения, произошедшие на огромной территории Центральной Азии. Они связаны с сокрушительными походами хунну/сюнну, в ходе которых этнокультурная ситуация стала иной по сравнению с предыдущим временем (Боровкова, 2005). Не на всех территориях результаты воздействия хуннского (сюнского) влияния были одинаковы, поэтому оценка реально зафиксированных исторических событий оказывается разной.

Прежде чем перейти к изложению темы статьи, необходимо указать, что памятники Алтая хунно-сяньбийско-жужанского времени в настоящее время являются наиболее изученными и многочисленными (Мамадаков, 1990; Соенов, 2003; Тишкин, 2007 и др.). Раскопки были осуществлены на более 40 некрополях, где исследованы более 800 могил (рис. 1). Получен огромный массив археологических материалов. К сожалению, только часть его введена в научный оборот. Однако работа в этом направлении ведется. Кроме статей и сообщений, издаются монографические исследования (Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003; Серегин, Матренин, 2014; Тишкин, Мыльников, 2016; Матренин, 2017; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018; и др.).

Сравнительный анализ признаков погребального обряда исследованных на Алтае захоронений II в до н.э. – V в. н.э. показал их единую основу (Матренин, 2005; Серегин, Матренин, 2014). Это свидетельствует о формировании и развитии в регионе одной культуры, которая уже обозначена как «булан-кобинская» по названию базового археологического комплекса Булан-Кобы-IV (Мамадаков, 1990; Тишкин, 2010). Различия между отдельными памятниками по типам погребальных сооружений и способам захоронений не имеют массового отражения и, вероятно, демонстрируют участие различных этнокультурных компонентов в процессе длительного существования общности. Географически археологические объекты булан-кобинской культуры составляют несколько обособленных, но не изолированных групп, что связано со сложным ландшафтом Алтая (рис. 2).

Типологический анализ инвентаря из булан-кобинских памятников позволил выделить среди них три хронологические группы, каждой из которых соответствует определенный типовой набор вещей. Эти группы памятников соотнесены с тремя намеченными этапами в развитии булан-кобинской этнокультурной общности: усть-эдиганский (II в. до н.э. – I в. н.э.); бело-бомский (II в. н.э. – 1-я половина IV в. н.э.) и верх-уймонский (2-я половина IV в. н.э. – 1-я половина V в. н.э.) (Тишкин, Горбунов, 2005а, с. 160–161). Синхронизация их с известными историческими событиями, которые имели место в Центральной Азии

Рис. 2. Ареал булан-кобинской археологической культуры в III в. н.э. (карта-схема подготовлена А.А. Тишкиным)

и Южной Сибири, помогла понять причины изменений, происходивших в материальной культуре населения Алтая, и направления контактов. В рамках указанных этапов изучена группа памятников, на материалах которых даны соответствующие характеристики, кратко представленные ниже. Среди них имеются базовые комплексы, которые будут указаны в качестве характерных примеров.

К усть-эдиганскому этапу (II в. до н.э. – I в. н.э.) относятся могильники Усть-Эдиган, Сары-Бел, Чендек (восточная группа), Яломан-II (западная группа), Пазырык (курганы №23, 24, 42) и др. (рис. 1). Среди надмогильных сооружений преобладают небольшие каменно-земляные насыпи округлой, реже подпрямоугольной формы, с обозначенной крепидой из более крупных камней. На могильном поле курганы образуют подобие тесных параллельных цепочек. Под насыпями находятся грунтовые могильные ямы, в большинстве которых сооружены каменные ящики из массивных плит; реже встречаются деревянные или комбинированные (каменно-деревянные) внутримогильные конструкции. Способы погребений представлены

одиночной ингумацией в сопровождении верхового коня и без него, кенотафами (с конем и без него), а также захоронениями одной лошади. Умершие люди располагались либо на боку с согнутыми ногами, либо вытянуто на спине. Выделяются два направления ориентации погребенных: в западный и восточный секторы, с общим преобладанием последнего. Ориентация людей и сопровождающих их коней совпадает. Лошади располагались на боку, на перекрытии ящика, со смещением к ногам человека. Гораздо реже они лежали параллельно погребенному за длинной стенкой внутримогильной конструкции. Инвентарь из памятников усть-эдиганского этапа весьма разнообразен. Оценивая в целом типовой набор предметов, необходимо отметить сочетание в нем нескольких основных культурно-хронологических групп вещей. Первая отражает окончание предшествующих традиций скифо-сакского времени. Вторая, самая многочисленная, целиком базируется на материальной культуре хунну/сюнну. Третья представляет собой влияние культур сарматского и в большей степени среднеазиатского (раннекушанского) круга. Можно указать и на становлении собственно булан-кобинских культурных традиций. Выделенные группы вещей в наборе инвентаря при сравнении с данными погребального обряда отражают участие различных компонентов в формировании булан-кобинской общности (Тишкин, Горбунов, 2006).

Этнокультурные процессы, которые привели к сложению на территории Алтая нового объединения, невозможно объяснить без оценки политической ситуации в центрально-азиатском регионе. В конце III в. до н.э. произошли важные изменения, обусловленные созданием сильной державы, которую возглавляли хунну/сюнну (209 г. до н.э.). Уже в 201 г. до н.э. шаньюй Модэ завоевал северные области Центральной Азии, включая Северную Монголию, южные районы Прибайкалья и Забайкалья, а также Южную Сибирь. К середине II в. до н.э. (165 г. до н.э.) хунну/сюнну окончательно подчинили западные земли центрально-азиатского региона, вытеснив оттуда наиболее сильных своих противников (юэчжей). Жизнь булан-кобинского населения на усть-эдиганском этапе протекала под эгидой подчинения империи, созданной хунну/сюнну. Эта зависимость могла усиливаться или ослабляться под влиянием конкретной политической ситуации. Например, после 123 г. до н.э., когда хунну/сюнну перенесли свою ставку в Северную Монголию, она могла возрасти, а после 56 г. до н.э. и 48 г. н.э., когда происходили расколы хунну на северных и южных, она могла на время стать формальной (Тишкин, 2007, с. 178).

Базовым памятником, наряду с комплексом Усть-Эдиган, давшим название этапу, но пока полностью неопубликованным, является

западная группа курганов памятника Яломан-II (рис. 3), результаты исследований которого уже широко отражены в научной литературе (Тишкин, Горбунов, 2003, 2006; Тишкин, 2005, 2006 и др.), в том числе на английском языке (Tishkin, 2011, 2018).

Погребальный комплекс Яломан-II располагается в Центральном Алтае на четвертой надпойменной террасе Катуня на небольшом участке у гор, в скрытом месте и в некотором отдалении от захоронений предыдущей пазырыкской культуры. Курганы были плохо заметны на современной поверхности. Видимо, поэтому к настоящему времени их обнаружено пока не так много по сравнению с другими погребально-поминальными объектами раннего железного века. Среди рассматриваемых надмогильных сооружений преобладают небольшие каменно-земляные насыпи округлой (реже овальной или подпрямоугольной) в плане формы с обозначенной крепидой из более крупных камней. На могильном поле небольшие курганы образуют подобие тесных цепочек. У мужских погребений на памятнике Яломан-II с юго-восточной стороны каменной обкладки обычно вертикально установлен невысокий камень. Под насыпями находятся грунтовые могильные ямы, в большинстве которых сооружены ящики из массивных плит, перекрытые плоскими камнями. Реже фиксируются деревянные или комбинированные (каменно-деревянные) внутримогильные конструкции. Способы погребений представлены одиночной ингумацией в сопровождении с верховой лошадей или без нее, а также кенотафами с конем и без животных. Умершие люди располагались либо на боку со слегка согнутыми ногами, либо вытянуто на спине. Выделяются два направления ориентации погребенных и сопровождавших коней: головой в западный или восточный сектор (с преобладанием последнего показателя). Лошади располагались на перекрытии ящика. Они были положены на бок с характерным смещением «в ноги человека». Гораздо реже такие животные лежали параллельно умершему индивидууму за длинной стенкой внутримогильной конструкции.

Инвентарь из погребений оказался весьма разнообразным. В обобщенном виде он уже был опубликован и частично охарактеризован (Тишкин, Горбунов, 2006; Tishkin, 2011, 2018 и др.). Следует указать, что материалы этого археологического комплекса наиболее хорошо изучены, в том числе с широким применением естественно-научных методов. В частности, выполнен спектральный анализ практически всех изделий из цветных металлов, осуществлено кислотомическое (анатомическое) определение остатков найденной древесины, проведена химическая диагностика части зафиксированного китайского лака, имеются

Рис. 3. Яломан-II. Материалы из раскопок курганов хуннского времени:

- 1-3 – погребальные сооружения;
- 4-5 – керамические сосуды;
- 6-16 – предметы вооружения;
- 17-22 – элементы конского снаряжения;
- 23-31 – детали поясной гарнитуры;
- 32 – медный котел;
- 33 – каменная курильница;
- 34-45 – украшения

палеокарпологические данные по нескольким отобранным образцам, получены радиоуглеродные и дендрохронологические показатели; различными методами изучаются кости людей и животных; для исследования многочисленных каменных и стеклянных бус используются петрографический и рентгенофлюоресцентный анализы и т.д. Структура материальной культуры населения, оставившего памятник Яломан-II, отражает специфику всего найденного вещественного комплекса, который демонстрируется вооружением, снаряжением человека и верхового коня, предметами быта и орудиями труда, украшениями костюма.

Вооружение представлено оружием дальнего и ближнего боя, а также воинским доспехом. Сохранились остатки от сложносоставных луков. Чаще всего обнаруживались комплекты роговых накладок, но в некоторых случаях зафиксированы остатки деревянной кибиты. На двух центральных накладках из памятника Яломан-II хорошо заметны характерные изображения животных. Оформление роговых накладок точно соответствует хуннским (сюннским) экземплярам. Это позволило датировать найденные комплекты временем наибольшего распространения собственно хуннских (сюннских) луков II в. до н.э. – I в. н.э. На памятнике Яломан-II найдена оригинальная модель чекана из древесины, которая лишь в определенной мере напоминает боевые образцы предыдущего исторического периода. Боевые наконечники стрел нескольких типов изготовлены из железа. Они широко применялись многими кочевыми и оседлыми народами Евразии с рубежа IV–III вв. до н.э. В некоторых могилах сохранились древки, сделанные из березы. На памятнике Яломан-II зафиксирован кинжал, а также обнаружены железные панцирные пластины, которые идентичны изделиям из хуннских (сюннских) памятников конца III в. до н.э. – I в. н.э.

Снаряжение человека, обнаруженное в курганах Яломана-II, включает различную гарнитуру основных и стрелковых поясов. Появление таких изделий на Алтае связывается с хуннским/сюннским культурным влиянием. Своеобразными являются медные ажурные изделия. Зафиксированы наконечники ремней и ложечковидные подвески. Найдены медные позолоченные бляхи-накладки на нижний край пояса с изображением двух кошачьих хищников. Идентичный предмет происходит из погребения 138 Иволгинского могильника в Забайкалье (Давыдова, 1996, табл. 39, 2). Следует указать, что это не единственная аналогия находками из памятников Забайкалья.

В кургане №43 некрополя Яломан-II зафиксирован мужской пояс. Он кожаный, покрыт лаком и имел деревянные пряжки, которые сверху были украшены рельефными бляхами-накладками из золотой фольги.

Ближайшая аналогия этим предметам – золотая пряжка с изображением сатира – обнаружена в кургане №7 комплекса захоронений хунну/сюнну в пади Царам в Забайкалье (Миняев, 2009). Найдены круглые кольчатые распределители ремней. Они, как правило, использовались в составе второго (или стрелкового) пояса и составляли комплект с круглыми пряжками с подвижным язычком, что находит полные соответствия в поясных наборах из хуннских/сюннских памятников Монголии и Забайкалья.

Снаряжение верхового коня демонстрируют уздечные и седельные наборы приспособлений. Найдены железные удила. Они снабжались псалями, а иногда и дополнительными обоймами для повода. Многие предметы и украшения конского снаряжения известны в хуннских/сюннских памятниках II в. до н.э. – I в. н.э. Круглые бляхи, крепившиеся к ремням узды при помощи вставных скоб с подвешенным к ним язычком, напоминают находки из Дырестуйского могильника Забайкалья. В целом раннебулан-кобинские уздечные наборы сильно отличаются от пазырыкских и соответствуют хуннской/сюнской амуниции верхового коня. А вот седельная гарнитура продолжает линию развития предыдущей традиции. На это, в частности, указывают подпружные пряжки из рога.

Предметы быта и орудия труда на памятнике Яломан-II представлены различными категориями инвентаря. Посуда – это глиняные, медные и деревянные изделия, которые отражают местные и привозные изделия (Тишкин, 2005; Тишкин, Мыльников, 2016). Найден каменный столик-алтарь прямоугольной формы на четырех ножках. Такие предметы довольно часто находят в курганах каменной культуры лесостепного Алтая второй половины I тыс. до н.э. Обнаружено несколько фрагментов металлических зеркал, а также одно целое изделие (Тишкин, 2006). Они определяются как доханьские или ханьские и найдены с набором других характерных предметов и украшений. Обнаруженные гребни изготовлены из дерева и рога. Рядом с наборным гребнем зафиксирован фрагмент китайской лаковой чашечки, изготовленной из палисандра. Найдены железные ножи, а также их деревянные имитации, причем воткнутые в реальную заупокойную пищу. Костяные и роговые наконечники стрел, скорее всего, предназначались для охоты.

Украшения костюма состоят из изделий, крепившихся непосредственно к одежде или надевавшихся на самого человека. Обнаружена золотая диадема. Она сделана из толстой фольги, имеют прямоугольную форму с загнутыми краями и отверстиями для пришивания к основе. Поверхность диадемы украшена тисненым геометрическим орнаментом. В комплекте с диадемой найдена бляха-

фалар, сделанная из цветного металла и по сходной технологии. Многочисленные бляхи-нашивки из золота, серебра, меди и бронзы применялись для украшения головных уборов и верхней одежды. Найдены золотые, серебряные и бронзовые серьги. Некоторые из них имеют сходства с изделиями скифо-сакского времени. Оригинальной является находка золотой серьги из кургана №43 памятника Яломан-II, где обнаружено погребение мужчины (Tishkin, 2011). Подобное изделие имеется в Сибирской коллекции Петра I, хранящейся в Государственном Эрмитаже (автор благодарен Е.Ф. Корольковой на такое указание).

Медные колокольчики, судя по их положению в могиле, использовались в качестве подвесок к поясу. Такие же изделия имеются среди хуннских/сюннских материалов Забайкалья. В кургане №51 памятника Яломан-II на черепе умершей молодой женщины зафиксирована половина нижнего головного убора из редкой шелковой ткани, украшенного бляхами-нашивками. В том же погребении довольно хорошо сохранился кожаный пояс. Пояс соединялся с помощью бронзовой ажурной пряжки в виде ящерицы, кусающей себя за хвост. Для закрепления свисающего конца ремня с одной стороны у него имелся тренчик.

Бусы – одна из многочисленных категорий находок в женских погребениях Алтая усть-эдиганского этапа булан-кобинской культуры. Они в существенном количестве найдены и на памятнике Яломан-II.

Материалы, полученные при раскопках курганов западной группы рассматриваемого некрополя, не только дополнили ранее накопленные сведения. Они демонстрируют характерные особенности, позволяющие в какой-то мере связать поселенческие, погребальные, производственные и другие памятники. Сам ранний комплекс Яломана-II важен для понимания генезиса булан-кобинской общности, так как в нем обнаружено более 70% предметов материальной культуры хунну/сюнну, а также найдены древнекитайские ремесленные изделия. Это свидетельствует о том, что население находилось под влиянием доминирующей традиции или было носителями ее (Тишкин, Горбунов, 2005б, с. 332; Тишкин, 2007). Такая ситуация может отражать полное культурное господство хунну/сюнну на Алтае.

В конце I в. н.э., когда северные хунну потерпели поражение от сяньби (93 г. н.э.) и утратили свое господство в большей части Центральной Азии, а земли Алтая оказались в сфере влияния победителей (Тишкин, 2007, с. 178–179). Это определило начало нового этапа в развитии булан-кобинской культуры. Он обозначен как белобомский (II в. н.э. – 1-я половина IV в. н.э.) по названию курганной группы Белый Бом-II, который исследовался экспедициями Алтайского

государственного университета (Глоба, 1983; Мамадаков, 1990). К сожалению, материалы раскопанных памятников указанного этапа (Булан-Кобы-IV, Белый Бом-II, Бош-туу, Айрыдаш-I и др. (рис. 1)), до сих пор полностью не введены в научный оборот. В данной ситуации комплексом для демонстрации соответствующих характеристик может выступать полностью раскопанная курганная группа Степушка (рис. 4). В настоящее время результаты исследований полностью опубликованы и достаточно подробно проанализированы (Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018). Поэтому в данной статье они не приводятся. Можно лишь отметить, что всего на памятнике были раскопаны 33 ритуальные выкладки и вскрыто 61 погребальное сооружение. Изучение таких показателей погребального обряда, как топография и планиграфия объектов, наличие околочурганых и погребальных конструкций, способы и элементы ритуала захоронения, позволило выявить общие, особенные и единичные признаки данного некрополя по сравнению с другими могильниками булан-кобинской культуры II-V вв. н.э. Сделанные заключения в основном согласуются с уже имеющимися выводами относительно локальной специфики погребальной практики кочевников Алтая. Отмеченная вариабельность обряда захоронения свидетельствует о том, что некрополь Степушка оставлен несколькими кланами, представители которых были включены в общую систему семейно-брачных, производственных и других отношений. На могильнике выявлено достаточно большое (15,8%) количество кенотафов (в том числе, с предметами вооружения), что свидетельствует об активных военных действиях. В большинстве исследованных объектов обнаружен сопроводительный инвентарь, представленный предметами вооружения и воинского снаряжения, экипировкой верхового коня, орудиями труда, бытовой утварью, украшениями. Полученные вещественные источники детально изучены. Проанализированы 75 роговых накладок от 18 луков, 50 железных наконечников стрел, восемь боевых (длиннолезвийных) ножей, железные детали пяти ножен, шесть колчаных крюков, две железные пластины от доспеха, фрагменты двух колчанов, 27 поясных пряжек, 422 поясные бляхи, два ременных наконечника, 16 «блоков», четыре ременные застежки, девять удил, восемь псалиев, 10 уздечных блях-накладок, одна уздечная застежка, восемь подпружных пряжек, пять цурок, одна роговая подвеска, 34 костяных (роговых) наконечника стрел, 16 коротколезвийных ножей, три шила, два тесла, два «напильника», одна «стамеска-ложкорез», четыре костяные детали от рукояти плетей, два жернова ручной мельницы, курант зернотерки, пест, два абразива, наковальня, топорovidное каменное изделие, железный «пинцет», металлическое зеркало, косметическая щеточка из кости,

фрагмент деревянного «блюда», берестяная «подставка», берестяной футляр, деревянный дисковидный предмет, развалы пяти керамических сосудов, три бронзовые серьги, 19 металлических наконечников украшений, железная диадема, семь бронзовых блях-нашивок, бронзовая бляха-накладка, биметаллическая бляха, восемь подвесок из зубов и когтей, две подвески и три пронизи из кости, 23 бусины из минералов и стекла. При рассмотрении большинства перечисленных изделий привлекался широкий круг аналогий из археологических памятников хунно-сяньбийско-жужанского времени разных регионов Азии и европейской части России. Изучение взаимной встречаемости датированных типов изделий позволило сделать вывод, что погребальные и ритуальные объекты могильника Степушка датируются IV – началом V в. н.э., что соответствует финалу бело-бомского этапа – начальной стадии верх-уймонского этапа булан-кобинской культуры. Результаты радиоуглеродного анализа образцов остеологического материала из комплекса Степушка свидетельствуют в пользу того, что захоронения были совершены в достаточно короткий отрезок времени, по-видимому, в рамках 2-й четверти IV – начала V в. н.э. (Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 195–196).

Следующий верх-уймонский этап (2-я половина IV в. н.э. – 1-я половина V в. н.э.) обозначен по наиболее хорошо изученному памятнику Верх-Уймон, раскопанному в верховьях Катуня (Соенов, Эбель, 1992). Кроме него, имеется довольно представительная группа могильников (рис. 1), исследованных в разных районах Алтая (Тишкин, Горбунов, 2005а, с. 161). Полученные археологические материалы и их интерпретация демонстрируют завершающий этап изучаемой культуры, который соотносится со временем существования Жужанского каганата. Их вполне достаточно для проведения этнокультурных, социальных и мировоззренческих реконструкций, для восстановления страниц военно-политической истории, для понимания системы жизнедеятельности людей и их знаний в различных сферах деятельности. В этом плане важное место занимают результаты раскопок восточной группы курганов на памятнике Яломан-II (рис. 5), который исследовался под руководством автора статьи (Тишкин, Горбунов, 2003). Они полностью еще не введены в научный оборот. Подробным образом представлены лишь сохранившиеся изделия и сооружения из древесины (Тишкин, Мыльников, 2016). В отдельных статьях отражены другие находки предметов материальной культуры. Особое внимание уделено вооружению (Тишкин, Горбунов, 2007), среди которого необходимо отметить находку целого панциря в кургане №29 (Тишкин, Горбунов, 2012).

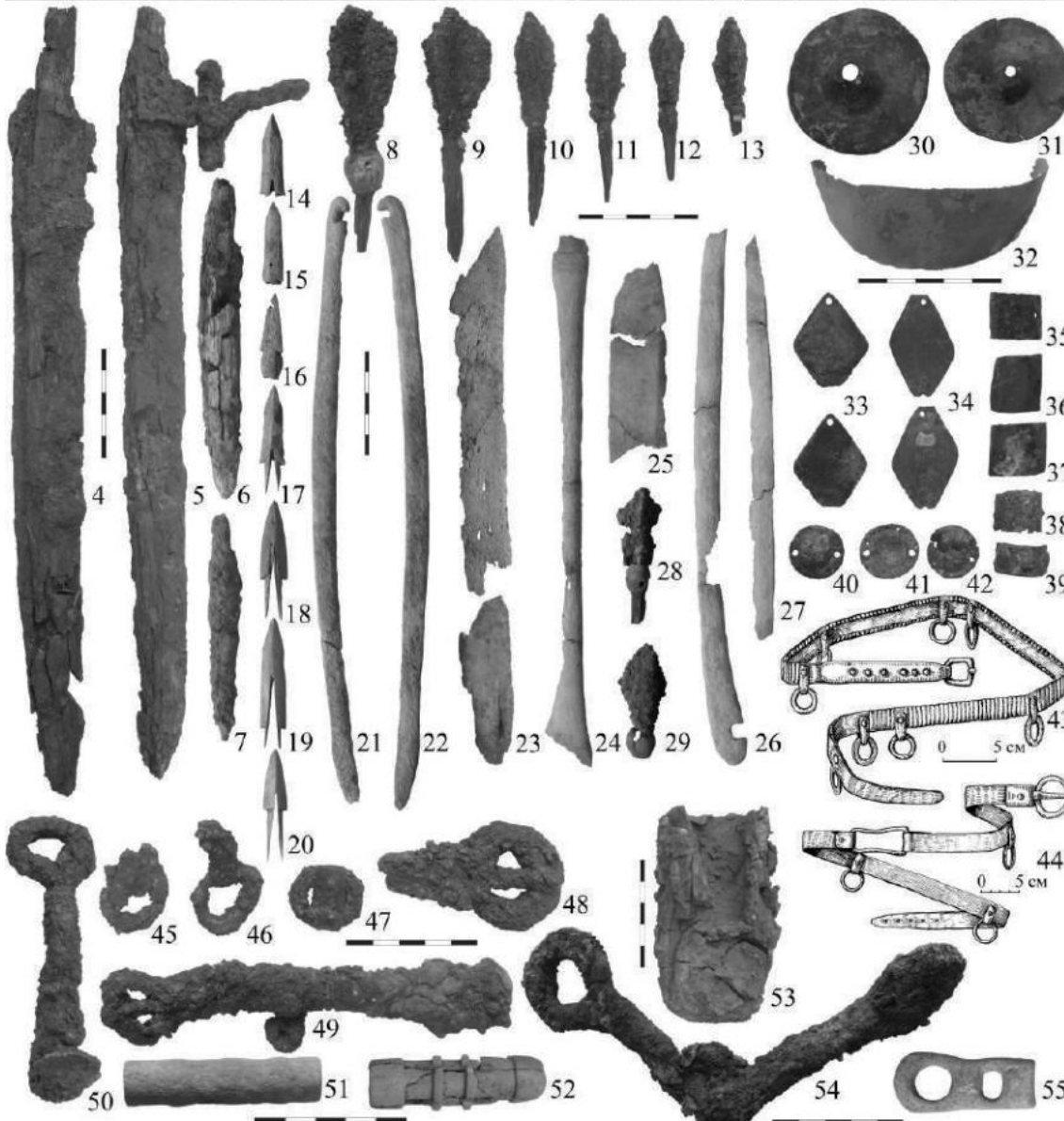
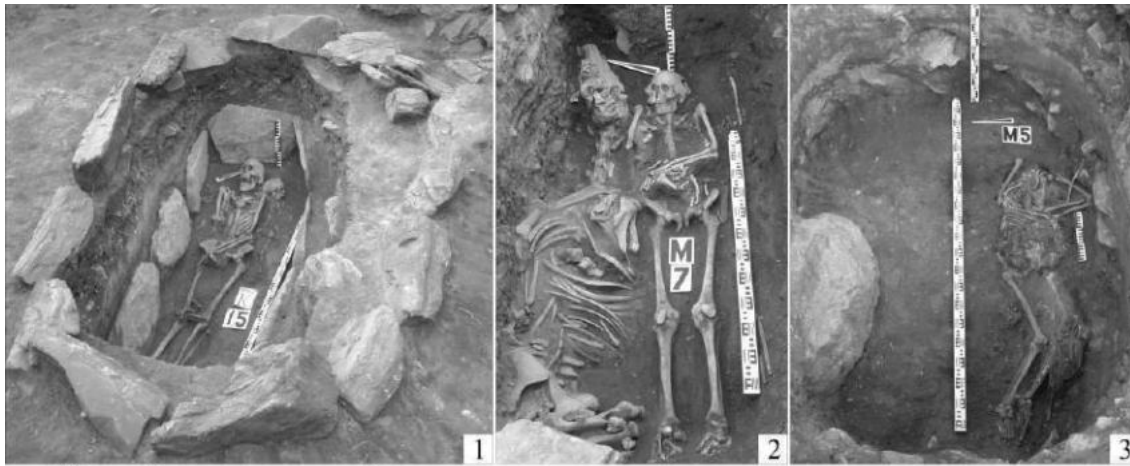

Рис. 4.
 Степушка. Материалы
 из раскопок курганов
 сянбийско-жужанского
 времени:
 1-3 – погребения;
 4-7 – ножи;
 8-20, 28-29 – наконечники
 стрел;
 21-27 – роговые накладки
 на лук;
 30-42 – женские
 украшения;
 43-44 – реконструкция
 поясов;
 45-49 – детали поясной
 гарнитуры;
 50 – колчаный крюк;
 51-52 – трубочки;
 53 – тесло;
 54 – удила;
 55 – пряжка-блок
 (застежка)

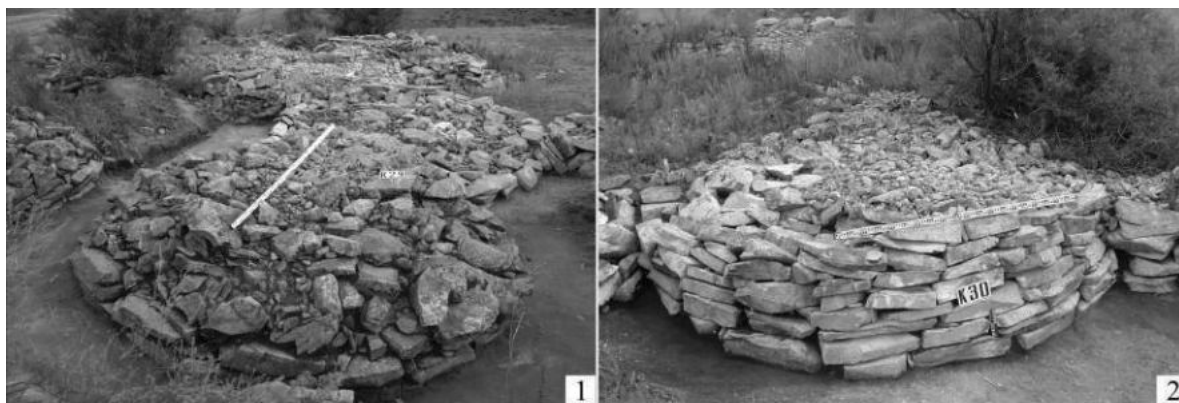

Рис. 5. Яломан-II.
Материалы из раскопок
курганов жузанского
времени:

1-3 погребальные
сооружения;
4 - сосуд;
5 - фигурка
человека;
6 - пряжка;
7 - цурка
(застежка для пунт);
8 - основа седла; 9-12
- наконечники стрел
и древки;
13- 14 -
детали колчана; 15 -
реконструкция
стрелы; 17 - часть
панциря; 18 - конный
воин булан-кобинской
культуры (реконструкция
В.В. Горбунова, рисунок
Г.Л. Нехведачичюса)

Весь объем наработок позволит уточнить периодизацию булан-кобинской культуры и наполнить конкретным содержанием каждый из этапов. Историческая канва событий в центрально-азиатском регионе в хуннуско-сяньбийско-жужанское время позволяет понять изменения в облике культуры Алтая и обозначение основных этапов ее развития. В заключение необходимо указать, что имеется серия результатов радиоуглеродного датирования булан-кобинских памятников Алтая, часть которых опубликована (Тишкин, 2007). Следует указать, что еще предстоит огромная работа по изучению хуннуско-сяньбийско-жужанского времени, что в определенной мере будет способствовать и решению проблемы формирования тюркской культуры.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (проект №16-18-10033 «Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция»).

Библиографический список

1. Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. 224 с.
2. Боровкова Л.А. Кушанское царство (по древним китайским источникам). М.: Ин-т востоковедения РАН, 2005. 315 с.
3. Глоба Г.Д. Раскопки курганного могильника Белый Бом-II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 гг. / Отв. ред. А.С. Суразаков. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. С. 116–126.
4. Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2: Иволгинский могильник. Вып. 2: Археологические памятники сюнну. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996. 176 с.
5. Мамадаков Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э.: Автореф. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 19 с.
6. Матренин С.С. Социальная структура населения Горного Алтая хунно-сяньбийского времени (по материалам погребальных памятников булан-кобинской культуры II в. до н.э. – V в. н.э.): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Барнаул, 2005. 24 с.
7. Матренин С.С. Снаряжение кочевников Алтая (II в. до н.э. – V в. н.э.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2017. 142 с.
8. Миняев С.С. Элитный комплекс захоронений сюнну в пади Царам (Забайкалье) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 2 (38). С. 49–58.
9. Серегин Н.Н., Матренин С.С. Археологические комплексы Алтая II в. до н.э. – XI в. н.э.: история исследования и основные аспекты интерпретации. Барнаул: Азбука, 2014. 230 с.
10. Соенов В.И. Археологические памятники Горного Алтая гунно-сарматской эпохи (описание, систематика, анализ). Горно-Алтайск: Горно-Алт. гос. ун-т, 2003. 160 с.

11. Соенов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катунь. Горно-Алтайск: Горно-Алт. гос. пединститут, 1992. 116 с.
12. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / отв. ред М.Г. Машкова. М.: Наука, 1992. 494 с. (Археология СССР, т. 10).
13. Тишкин А.А. О необходимости междисциплинарного изучения материалов гунно-сарматского времени Горного Алтая // Комплексные исследования древних и традиционных обществ / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 296–300.
14. Тишкин А.А. Керамические сосуды из курганов хуннского времени могильника Яломан-II // Западная и Южная Сибирь в древности / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 129–135.
15. Тишкин А.А. Китайские зеркала из памятников ранних кочевников Алтая // Россия и АТР. 2006. № 4. С. 111–115.
16. Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. 356 с.
17. Тишкин А.А. Булан-кобинская культура Алтая: краткая история изучения и современное содержание // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний : материалы XV Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. / Отв. ред. М.П. Черная. Томск: Аграф-Пресс, 19-21 мая 2010 г. Томск, 2010 С. 294–297.
18. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. Т. IX, ч. 1. С. 488–493.
19. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005а. 200 с.+вкл.
20. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Предметный комплекс из памятника Яломан-II на Алтае как отражение влияния материальной культуры хунну // Социогенез в Северной Азии / Отв. ред. А.В. Харинский. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005б. Ч. 1. С. 327–333.
21. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Горный Алтай в хуннское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // Российская археология. 2006. №3. С. 31–40.
22. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс вооружения «эпохи Великого переселения народов из Горного Алтая» (по материалам могильника Яломан-II) // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, А.Д. Таиров. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2007. С. 164–172.
23. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Ламеллярный панцирь IV–V вв н.э. из археологического комплекса Яломан-II на Алтае // История и культура средневековых народов степной Евразии / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012. С. 55–59.

24. Тишкин А.А., Мыльников В.П. Деревообработка на Алтае во II в. до н.э. – V в. н.э. (по материалам памятников Яломан-II и Бош-Туу-I). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. 192 с.: ил. (Археологические памятники Алтая. Вып. 2).
25. Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. 368 с.: ил. (Археологические памятники Алтая. Вып. 3).
26. Tishkin A.A. Characteristic burials of the xiongnu period at Ialoman-II in the Altai // Xiongnu archaeology / Edited by Jan Bemmann. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011. Vol. 5. P. 539–558.
27. Tishkin A.A. Altai during the Period of the Xiongnu Empire // Archaeology and Conservation along the Silk Road / Edited by G. Krist, L. Zhang. Wien; Köln; Weimar: Bohlau Verlag, 2018. P. 157–189 (Konservierungswissenschaft. Restaurierung. Technologie, Band 16).